МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Материалы международной научно-практической конференции «II Январские исторические чтения, посвященные памяти Юрия Петровича Шагдурова»

(Улан-Удэ, 20 января 2022 г.)

Научный редактор
Н. С. Байкалов, кандидат исторических наук, доцент

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2022

УДК 63.3(0)
ББК 93:94
Н 766

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского госуниверситета

Сборник размещен в системе РИНЦ
на платформе научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Редакционная коллегия

А. В. Дамдинов, канд. ист. наук, ректор БГУ им Д. Банзарова; *Н. Ням-Осор*, заслуженный педагог Монголии, д-р, проф., ректор Международного университета «Их Засаг» им. Чингисхана; *В. В. Номогоева*, д-р ист. наук, доц., проректор по научно-исследовательской работе БГУ им. Д. Банзарова; *О. А. Убеева*, канд. ист. наук, доц., зав. кафедрой истории Бурятии БГУ им. Д. Банзарова; *И. Н. Шагдурова*, канд. ист. наук, доц. кафедры истории Бурятии БГУ им. Д. Банзарова

Рецензенты

С. В. Бураева, д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, начальник Музея ИМБТ СО РАН

И. Г. Аюшиева, канд. ист. наук, доц., зав. кафедрой истории и регионоведения стран Азии БГУ им. Д. Банзарова

Текст печатается в авторской редакции

Н 766 **Новые подходы к изучению региональной истории**: материалы международной научно-практической конференции «II Январские исторические чтения, посвященные памяти Юрия Петровича Шагдурова» (Улан-Удэ, 20 января 2022 г.) / науч. ред. Н. С. Байкалов. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2022. — 166 с.

ISBN 978-5-9793-1800-4; DOI 10.18101/978-5-9793-1800-4-2022-1-166

Сборник содержит материалы международной научно-практической конференции «II Январские исторические чтения, посвященные памяти Юрия Петровича Шагдурова». Представлены работы, посвященные истории России, Казахстана и Монголии. Авторами рассмотрены новые подходы к изучению региональной истории. Рассмотрены социально-экономические аспекты развития региональных обществ, этнокультурные и историко-правовые традиции отдельных народов.

Сборник адресован специалистам и всем интересующимся различными аспектами изучения региональной истории.

New Approaches to the Study of Regional History: materials of the International scientific and practical conference "II January historical readings dedicated to the memory of Yuri Petrovich Shagdurov" (Ulan-Ude, January 20, 2022) / scientific. ed. N. S. Baikalov. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2022. — 166 p.

ISBN 978-5-9793-1800-4

The collection contains materials of the International scientific-practical conference "II January historical readings dedicated to the memory of Yuri Petrovich Shagdurov". Works devoted to the history of Russia, Kazakhstan and Mongolia are presented. The authors consider new approaches to the study of regional history. The social and economic aspects of the development of regional societies, ethno-cultural and historical-legal traditions of individual peoples are considered.

The collection is intended for experts and a wide range of readers who are interested in various aspects of the study of regional history.

УДК 63.3(0)
ББК 93:94

ISBN 978-5-9793-1800-4

© Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, 2022

Научная статья
УДК 94(470:517.3)

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И МОНГОЛИИ В 1911-1925 гг.

© Бадмаев Виталий Германович
аспирант,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
badmaev.vitaliy.98@mail.ru

Аннотация. Экономическое сотрудничество между Монголией и Россией в период с 1911 по 1925 гг. осуществлялось на большинстве таможенных постов. Российская империя, а затем и Советская Россия, были заинтересованы в торговле с Монголией, отчасти из-за того, что Монголия была молодым государством, в которой были слабы капиталистические начала. Россия также нуждалась в торговле с Монголией, которая продавала очень много мяса, шерсти и молока, обеспечивая данными продуктами Сибирь и Дальний Восток.
Ключевые слова: Монголия; русско-монгольские отношения; русско-монгольская торговля; таможенный пост; серебряный лян; тугрик; Положение о торговых старшинах в Монголии; Монгольский национальный банк; таможенный устав.

В современной российской монголоведной литературе подвергается справедливой критике советско-монгольская историография экономических взаимоотношений двух стран, носящая во многом декларативный характер лакировки и приукрашивания этих межгосударственных контактов. Этот опыт необходим для изучения истории экономических взаимоотношений приграничных регионов России и Монголии. Его практическое применение в начале XXI в. является важным теоретическим резервом и локомотивом дальнейшей экономической интеграции России и Монголии.

Изучение отечественной историографии, ее методологический анализ обусловили новизну рассматриваемой проблемы. К освещению вопросов истории становления и развития отношений России и Монголии удалось приступить во многом благодаря уже имевшемуся колоссальному научному багажу. XIX век можно назвать «звездным часом» российского востоковедения в целом и монголоведения в частности. На становление филологических, источниковедческих, исторических традиций в области монголистики оказали огромное влияние труды Н. Я. Бичурина, П. И. Кафарова, В. П. Васильева, Д. Банзарова и других известных монголоведов. Именно в России возникли первые в мире университетские кафедры монгольского языка, сформировались целые школы монголоведов – казанская, петербургская, московская, иркутская. Первые учебные пособия, словари и работы в области монгольских языков также вышли из-под пера российских ученых Я. И. Шмидта, А. В. Игумнова, О. М. Ковалевского, А. В. Попова, А. А. Бобровникова. Новый толчок общественному и научному интересу к Монголии на рубеже XIX–XX вв. придали труды путешественников и исследователей Центральной Азии – Н. М. Пржевальского, М. В. Певцова, П. К. Козлова,

Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, Г. Е. Грумм-Гржимайло. По различным направлениям монголистики вышли работы В. В. Радлова, А. М. Позднеева, В. В. Бартольда, В. Л. Котвича и других. Начало XX в. было отмечено вступлением в активную научную деятельность и известных бурятских ученых – Г. Ц. Цыбикова, Ц. Ж. Жамцарано, Б. Б. Барадина.

Русско-монгольские торговые отношения играли главную роль в отношениях двух стран. Русские купцы в Монголии являлись и первыми дипломатами. Первоначально русско-монгольская торговля осуществлялась на границе пограничными караулами [10, с. 148]. Между ними поддерживались мирные и добрососедские отношения. Поэтому традиционным в Забайкалье стал ежегодный обмен обоюдными визитами представителей пограничных караулов – так называемого «обоюда», или «нарина». Обоюд совершался сначала на монгольской стороне, обычно весной, а потом на русской, на следующий год – наоборот. Данные обоюды праздновались широко с богатым столом, за которым велись дружеские беседы. После угощения монголы дарили русским чай и провожали до границы. Та же церемония повторялась на русской стороне, русские дарили платки и ситец [8, с. 19].

В период борьбы монголов за независимость в 1911–1912 гг. правительство России хотело предоставить русским в Монголии максимальные права. Так, статья 15 Протокола соглашения России с Монголией от 21 октября 1912 г. гласила: «Установившийся обычай пользования пограничным русским населением покосами, а также охотой рыбной ловлей на монгольской стороне сохраняется на будущее время без всяких изменений». Но вскоре правительство Монголии издало «Положение об аренде земли, пашен и сенокосов» и «Закон о сдаче земли в аренду иностранцам», которые утверждали право правительства Монголии давать разрешение на аренду и продажу за определенную плату [8, с. 24].

Большую роль играл извозный промысел. Так, на примере г. Кяхты А. М. Позднеев отмечал, что «после скотоводства самым выгодным делом монголы считают извозный промысел». Для этого предоставлялось не менее 1 млн 200 тыс. верблюдов и 300 тыс. телег, запряженных быками. Самая распространённая перевозка чая, вывозимого русскими из Китая, давала монголам не менее 2 млн руб. Такую же сумму в 1911–1912 гг. называл А. П. Болобан. И. М. Майский писал, что в 1919–1920 гг. она доходила до 10 млн руб. А. Л. Нарочницкий говорил о том, что извозный промысел отвлекал аратов от производительного труда, но и давал заработок [8, с. 25]. Нужно отметить, что это был второстепенный заработок в свободное время, так как имеется много свидетельств о том, что возчиками обычно были бедные монголы.

Стоит отметить, что в этот период начались разработки месторождений, из которых самой привлекательной была золотодобыча. После подписания протокола золотые концессии переходили из рук в руки. Многие кяхтинские купцы относились к золотодобыче с сомнениями, считая это недостойным заработком. Но когда они видели, какие деньги это приносит, сами начали этим заниматься. После удачных геологоразведок четверо кяхтинских золотопромышленников: И. Д. Синицын, К. В. Титов, А. Д. Могильников и Ф. Б. Голиков решили объединиться в «Кяхтинское золотопромышленное товарищество», которое просуществовало несколько лет [9, с. 175].

Необходимо отметить, что в Монголии в этот период отсутствовало понятие денег в обычном понимании этого слова. В качестве денежного эквивалента могли выступать как скот, так и векселя китайских торговых предприятий. По сложившейся традиции все расчёты на территории Монголии велись в переводе на чай, скот.

Чай был самым популярным продуктом в Монголии. Поэтому он стал самым распространенным эквивалентом денег среди кочевников. Взамен предлагаемого товара монгольские кочевники могли предложить скот. Условно было установлено что, один кирпич чая был равен одному годовалому барашку [12, с. 98].

Прозрачность таможенной и государственной границы России с Монголией приводила к тому, что местное население не всегда понимало разницу чужих территорий. Выгон скота, заготовка сена и дров на сопредельной территории были привычным делом для приграничных крестьянских хозяйств. В некоторых уездах Забайкальской области по этому поводу возникали определенные недоразумения [11, с. 213]. Так, крестьяне Урлукского сельского схода, Урлукской волости, Верхнеудинского уезда жаловались военному губернатору Забайкальской области в мае 1911 г., что сено, лес, звери, белки и овчины кожи от скота Жиндинской и Шарагольской таможенными заставами отбираются вместе с лошадьми и перевозочными предметами [3, л. 81]. В ответном письме военного губернатора Забайкальского края всем окружным начальникам и полицмейстерам было дано указание: «Согласно закону 7 мая сего 1911 года, все произведения почвы и промышленности Монголии, как-то сено, лес, дичь, рыба и орехи, шкуры и т.д. при ввозе из-за границы пропускаются в таможенном отношении беспошлинно и случаев отобрания их, а равно, и перевозочных средств не могут иметь место» [11, с. 214].

В период феодально-теократической монархии продолжала усиливаться эксплуатация аратства, постоянно возрастала сумма податей и налогов. Так, например, основные повинности при маньчжурах составляли ежегодную сумму в 619 350 лан серебра (1 лан равен примерно 1,5 руб.), а в 1916 г. сумма налоговых сборов с населения составила 4 млн руб. [5, с. 278]. Тут стоить отметить, что в промежуток 1911–1921 гг. по большей части имело хождение валюта, которая была в Китае. До начала XX в. основной денежной единицей в Китае был серебряный лян (таэль).

Рассматриваемый период в социально-экономической жизни страны можно отметить и прогрессивные явления. Уже со второй половины XIX в., по мере проникновения товарно-денежных отношений в монгольское общество, натуральное хозяйство монголов начинает постепенно замещать мелкотоварный уклад. В аратской среде появляются крупные хозяйства, тесно связанные с рынком. Эти хозяйства разводили скот и собирали скотоводческое сырье в размерах, предусмотренных не потребительскими, а торговыми целями. В них впервые стал применяться наемный пастушеский труд. В таком богатом ойратском хозяйстве работало иногда более 150 бедняцких семейств, в зависимость к ним попадали даже некоторые разорившиеся феодальные хозяйства [5, с. 278].

Товарно-денежные отношения в Монголии способствовали развитию городов, усилению их экономической функции в монгольском обществе. В данный период усиливается торговля и предпринимательская деятельность населения.

Зарождающиеся монгольские предприниматели стали находить условия для обогащения за счет ростовщичества, аренды, уртонной повинности, извозного промысла, различных видов субаренды и т. д. [5, с. 278].

В рыночные связи втягивались и монгольские ремесленники. Основными продуктами их производства были части деревянных каркасов для юрт, мебель, телеги, седла, ножи, уздечки, разнообразные серебряные изделия, одежда, обувь и т. д. Иногда ремесленники объединялись в артели по два-четыре человека, изготовляли значительное количество изделий и продавали [5, с. 279]. Все это говорит о том, что у монголов появляется излишние продукты, за счет которых они теперь могу осуществлять торгово-ростовщическую деятельность.

Первая мировая война предъявила спрос не только на мясо, но и на кожу, кожаную обувь (18 млн пар обуви), кавалерийские и шинельные ремни, овчинные полушубки и другие предметы для армии. Так, крупнейшее предприятие в Сибири «Коковин и Басов» достигло максимальных размеров. Во время войны оно выполняло одни из самых крупных заказов.

Монгольское сырье использовали также кожевенные и овчинно-шубные заводы Верхнеудинска. Например, кожзавод Экрагульского и Семенова получил 3021 кожу, овчинно-шубный завод братьев Ицкович – 5 тыс. кож и 10 тыс. овчин [4, л. 6, 8]. Монгольское сырье использовали и наиболее крупные заводы Читы, поскольку «город находился вблизи Монголии, непосредственно покупая на монгольском рынке кожи, шерсть, меха по низким ценам» [8, с. 38].

В конце 1912 г. в Иркутске было 13 кожевенных заводов. Самым крупным из всех них являлось Монгольское акционерное товарищество, которое производило 110 кож подошв и юфти в день. Во время Первой мировой войны на основе Монгольского акционерного товарищества И. Д. Камова и А. Л. Кринкевича создается новое Сибирско-Монгольское акционерное общество с капиталом в 200 тыс. руб. Судя по уставу общества, цели его были весьма обширны: торговая и комиссионная деятельность в России и Монголии, создание фабрик и заводов для обработки и переработки монгольского сырья, разведка и разработка в Монголии полезных ископаемых, устройство путей сообщения Монголии с Сибирью и прочее [8, с. 40].

В 1912 г. в Урге успешно действовал мыловаренный завод купца Н. Н. Сулейменова, который также занимался разработкой полудрагоценных камней. Ранее мыло ввозили в Монголию из России и Китая, теперь же появилось собственное производство. Также стали появляться лесопильные предприятия, водочные заводы, пекарни, завод искусственных минеральных вод [9, с. 177].

Деятельности российских купцов в Монголии хотели придать организованный характер. В 1915 г. было принято «Положение о торговых старшинах в Монголии», официально учреждавшее должность торговых старшин. Во всех населенных пунктах, где проживало русское население, обязательно избирался торговый старшина и кандидат. Данная должность вводилась для того, чтобы поддерживать порядок среди проживавших постоянно или временно русских. Торговые старшины получали свидетельства и печать, которой они скрепляли выдаваемые документы. Список всех торговых старшин передавался монгольским властям [9, с. 181].

В связи с расширением товарного обмена в государстве Богдо-гэгэна стало упорядочиваться денежное обращение. Собственно в период существования феодально-теократической монархии преобладали товарные формы обмена. Роль денег выполняли скот, пушнина, чай. В обращении учувствовали русские деньги, бумажные и металлические, а также китайское серебро. Но монгольское правительство предпринимало попытки создания единой национальной денежной единицы. 14 сентября 1915 г. открылся организованный с помощью русских финансовых кругов Монгольский национальный банк. Этот банк имел право производить учет и переучет векселей и других обязательств: выдавать ссуды, открывать кредиты под движимое и недвижимое имущество; принимать вклады; покупать и продавать за свой счет драгоценные металлы и ценные бумаги; приобретать концессии и финансировать торговые и промышленные предприятия; транспортировать товары, устраивать склады с выдачей гарантий; арендовать и приобретать для своих нужд недвижимое имущество [9, с. 187]. Банковских билетов можно было выпускать не больше, чем сумма основного и запасного капитала. В связи с тем, что Россия в 1914 г. вступила в войну с Германией, Монгольский национальный банк не смог выполнять возложенную на него задачу выпуска монгольской национальной валюты и развития кредитных операций [5, с. 279]. Появление банка свидетельствовало о том, что в стране товарно-денежные отношения вышли на совершенно иной уровень. Теперь банку нужно было следить за обращением денег.

В обращении к заведующему Желтуринским таможенным постом сказано: «…Настоящим доводим до Вашего сведения, что нами рассчитаны монгольские скотогоны, при чем за работу им выдано 4-ре кожи юфти, 2-в а куска Шандадабы, серебра 2-ве ямбы – 8 фунтов, 94 золотника» [2, л. 33]. В обращении к Монгольской конторе Сибкрайсоюза Иркутская таможня препровождала «при сем для сведения от 8 июля сего года (1924) за № 4224 / 190480 по вопросу о вывозе в Монголию 700 пудов кирпичного черного чая со сложением акциза» [1, л. 15]. Данный способ оплаты свидетельствовал, что на территории Монголии не было определенной денежной системы. В ходу были разные виды оплаты, часто происходил бартерный обмен, но стоит отметить, что со временем он стал менее популярным.

В целом нужно сказать, что «промышленное развитие Монголии в полной мере начало себя проявлять после 1921 г., так как в это время была проведена электрификация, восстановлены слесарные мастерские, кирпичный, мыловаренный заводы, салотопки, 30 шерстомоек. Два кожевенных завода в Урге передавались в ведение военно-промышленного отдела военного министерства. На их базе для нужд армии были созданы новые отделения: овчинно-шубное, кошмокатное, по изготовлению седел, веревок и т. п. По соглашению с Советской Россией 5 ноября 1921 г. российские телеграфные линии на территории Монголии составили 2475 км. Все здания телеграфных контор с оборудованием были переданы в собственность Монголии. В 1922 г. возобновилась добыча угля в Налайхе. Важным фактором являлось бегство многих иностранных предпринимателей, что облегчило национализацию этих предприятий [8, с. 98].

В этот период в Монголии развилась частная торговля. Если в 1922 г. количество частных торговцев насчитывало 234 человека, то в 1923 г. – 286. В 1924 г.

их число увеличилось до 636 человек [6, с. 171]. В результате создания благоприятных условий для развития частной торговли в 1922–1924 гг. количество монгольских торговцев возросло в 2,7 раза, европейских – в 12,4 раза, русских – в 5,7 раза, китайских – в 1,6 раза [6, с. 171]. Рост экономического благосостояния европейских торговцев, в первую очередь, объяснялся повышением благосостояния монголов и их включением в капиталистический мир.

Стоит отметить, что в Монголии была грамотно выстроена таможенная политика, принят таможенный устав 9 мая 1924 г., который свидетельствуют о повышении экономической эффективности. Регламентируя ввоз и вывоз товаров, наложение пломб, условия перевозки, транспортные льготы четко определяли, какой товар и по какому тарифу должен был перевозиться. Таможенные льготы способствовали большему вовлечению людей в торговлю. Данные тенденции говорят о формировании рыночных механизмов в монгольском обществе.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. Р-1684. Оп. 1. Д. 25.
2. ГАРБ. Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 10.
3. Государственный архив Забайкальского края. Ф. 42. Оп. 1. Д. 41. Л. 81.
4. Государственный архив Иркутской области. Ф. 71. Оп. 2. Д. 306.
5. Дугаров В. Д. Курс лекций по истории Монголии (эпоха древности — начало XXI в.): учебное пособие. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. 368 с.
6. Батсайхан О. Монголия на пути к государству-нации (1911–1946). Иркутск: Оттиск, 2014. 383 с.
7. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Ленинград, 1934. 223 с.
8. Даревская Е. М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1994. 400 с.
9. Единархова Н. Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск: Оттиск, 2003. 252 с.
10. Кузьмин Ю. В. Монголия и «Монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX — 30-е гг. XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 200 с.
11. Казанцева Н. Г. История таможенного дела Забайкалья: конец XVII – начало XX вв.: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2016. 376 с.
12. Горькова С. В. Кредитно-финансовая система Монголии (конец XIX – начало XX вв.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2008. № 1. С. 93–102.